

СЕРГЕЙ АФОНИН

СТРАХОВКА ОТ ДОНОРСТВА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Сергей Афонин

Страховка от донорства

«Автор»

2020

Афонин С.

Страховка от донорства / С. Афонин — «Автор», 2020

Недалекое будущее. Закон о презумпции согласия на посмертное донорство превращает сотрудников "скорой помощи" в охотников за людьми. Последующий закон о страховании донорства прекращает военные стычки между родственниками пациентов и больницами, но страховка доступна далеко не всем. Обязательные вакцинации давно стали нормой. Мир погружается все глубже в финансовый и эпидемиологический кризисы, начинаются массовые народные бунты. Ради стабильности и иммунитета для своей семьи бывший спецназовец Юрий вступает в гвардию правопорядка, но вскоре понимает, что население всей планеты лишь пешка в глобальной игре правительств, а реальность страшнее, чем ночной кошмар. Содержит нецензурную брань.

© Афонин С., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Часть 1

– Скорую, срочно! Второй заводской переу...

Слова застряли у последнего гопника в горле, когда Юрий с рычанием швырнул ему в лицо свою дорожную сумку весом килограммов тридцать, свалившую того наземь. Через секунду Юрий уже был возле него и отключил прямым сверху в челюсть. Четверо его товарищей уже «отдыхали» в грязной снежной каше, сливающейся в зимних сумерках с асфальтовыми прогалинами. Двое других предпочли ретироваться.

Тем временем женщина подбежала к молодому человеку, судя по всему, ее сыну, и склонилась в слезах. Юрий тоже подошел.

Парень истекал кровью, и звук полицейской сирены уже вовсю отражался от стен подворотни. Но хуже было, что последний гад успел назвать скорой адрес. Нагадил все-таки. Копыто в такую дыру вряд ли сунутся, да и договориться с ними можно... А вот ребята-частники со скорой разговаривать не будут.

Юрий снова посмотрел на парня, который только теперь, закрыв глаза, откинул голову на асфальт.

Щуплый головастик еще минуту назад остервенело отбивался, хотя не мог не понимать, что шансов у него против семерых отморожков практически никаких. Особенно учитывая его кондиции (точнее, некондиции)...

Однако стержень в нем был.

– Дайте-ка, мамаша. – Юрий поднял на руки ожидаемо легкое тело, подобрав свою сумку, с которой возвращался с вокзала. – А теперь берите свои вещи – и ходу, пока скорая не приехала!

Женщина испуганно закивала и бросилась подбирать пожитки.

Юрий широко зашагал к тому концу переулка, который вел к его дому и откуда завывала полицейская сирена. Яркий фонарь уже на выходе слепил и делал все вне своего света еще темнее. Но Юрий еще с детства знал все эти глухие стены всего с тремя окнами на уровне третьего этажа и затертую временем брусчатку.

Если дежурный экипаж скорой помощи здесь на районе, времени у него совсем немного.

Парень на руках постанывал от боли, но терпел.

Умница, все понимает.

Звук полицейской сирены впереди умолк.

Женщина забеспокоилась:

– А как же полиция?

Юрий взгляделся в темноту деревьев, росших на пятаке у выхода из переулка, и ответил:

– С полицией как-нибудь договоримся. Они тоже люди.

Зажглись фары, и Юрий остановился, ослепленный окончательно.

– Стоять! Руки держать на виду!

Юрий дал сумке медленно соскользнуть на землю и обратился к черным силуэтам, отделившимся от патрульной машины:

– Командир, тут паренька подрезали, помощь ему нужна.

Силуэт приблизился, заслонив фары, и Юрий смог разглядеть молодое лицо и погоны лейтенанта. Полицейский осмотрел ношу Юрия, бросил беглый взгляд на матушку, держащую сына слева за руку.

– Документы, – нейтрально сказал лейтенант.

Может, еще обойдется?

– Во внутреннем кармане. Командир, я присяду. Руки освободить.

Лейтенант кивнул, пристально следя за действиями Юрия.

Подошел второй полицейский:

– Кто его так?

– Местные отморозки. Уже давно собирался с ними провести разъяснительную работу, да вот только сегодня случай представился...

Пока Юрий расстегивал куртку, чтобы достать удостоверение военнослужащего, женщина протянула лейтенанту два паспорта. Тот дождался Юрия и включил фонарик. Прочитал:

– Кулешова Зинаида Петровна и... Кулешов Иван Игнатьевич. Сын ваш?

– Да, да. Мы только сегодня переехали в этот район. Вот домой шли. А эти хулиганы...

Спасибо мужчине...

Женщина суетилась и то и дело смотрела на Юрия и на сморщившегося то ли от боли, то ли от причитаний матери сына.

Лейтенант перевел фонарик с лица Ивана на документы, закрыл их паспорта и раскрыл удостоверение Юрия:

– Так... Ковригин Юрий Анатольевич, капитан, командир разведроты...

Его напарник подошел на шаг ближе:

– Ты ведь с этого района? С шестого дома, да?

Юрий пригляделся, но не узнал сержанта и ответил:

– Точно, местный я.

Лейтенант чуть расслабился:

– Откуда шел?

– С вокзала. Только из командировки вернулся.

Лейтенант уважительно посмотрел на сумку военного образца. Потом, внимательно глядя на Юрия, кивнул в сторону переулка:

– Там все живы?

– Вроде да. Только помяты. Оклемаются.

– Это уже в больничке, – усмехнулся второй полицейский. – Районный экипаж скорой принял заявку. Это вы звонили?

– Да что мы, враги себе? Одна гнида успела что-то крикнуть в трубку.

– Ну, сам себе вызвал.

Лейтенант перебил напарника:

– Куда вы его несете?

Юрий неопределенно пожал плечами, не желая делиться планами:

– Тут по месту...

– Ясно. Ладно, товарищ капитан... – Лейтенант сфотографировал документы на смартфон и вернул. – В случае необходимости с вами свяжутся. Всего доброго.

Второй полицейский усмехнулся:

– Ага, быстрее давайте. Тут неотложка совсем рядом дежурила. Долго ждать не придется.

Юрий спрятал документы, застегнулся и быстро поднял парня и сумку:

– Спасибо, братишки.

– Давай, береги себя. Удачи. – Полицейские пошли назад, и фары патрульного уазика погасли.

Юрий оглянулся на женщину, не отходящую от него ни на шаг:

– Ну, мамаша, последний рывок. А то чует мое сердце...

Откуда-то справа послышался шум мотора, и темноту прорезали синие проблесковые маячки. Сирену не включали. Не хотели спугнуть.

– Вперед! – скомандовал Юрий и побежал, держась ближе к деревьям.

Мигалка сзади уже отбрасывала синие блики на деревья совсем рядом, удлиняя их тени. Послышалось хлопанье закрываемых дверей, но стук каблучков армейских берцев по асфальту стал удаляться.

Кажется, пронесло: сначала решили проверить переулок.

У знакомого подъезда Юрий снова уронил сумку, нашупал ключ от магнитного кодового замка, попросил женщину открыть и нырнул внутрь

Она спросила уже на лестнице:

– А вы тоже тут?

– Что значит «тоже»?

– Мы сегодня здесь квартиру сняли. На третьем этаже.

– Надо же. Соседи, значит; я на четвертом. Тогда давайте к вам. Щас позвоню своему доктору.

Зинаида Петровна замялась в нерешительности:

– А вы... А он нас... не подведет?

Юрий посмотрел на Ивана, который уже не подавал признаков жизни, и начал подниматься по лестнице, бросив на ходу:

– Спецназ своих не бросает.

Зинаида Петровна успела, однако, заметить состояние сына и вдруг разрыдалась:

– Только бы продержался, миленький! Крови вон сколько потерял...

Но тут пострадавший сам подал слабый голос:

– Не дождуться, гниды...

– Ах ты боже мой! Ванечка, – сразу взвилась женщина.

Юрий усмехнулся:

– Теперь точно все обойдется, мамаша. Раз уж от бригады скорой ушли, остальное не смертельно.

Четыре года спустя.

Янтарный прозрачный тюль на окне слева колыхался от дыхания вечера из открытой форточки. Щедро обсыпанная огнями Башня возносилась над всеми видимыми крышами вокруг и иногда мерцала, будто подмигивала, будто они с Юрием заговорщики.

Марина поставила стакан перед Юрием, и он машинально взял его в ладони.

Как же сказать?

Юрий перевел взгляд на крепко заваренный иван-чай, тоже цвета янтаря...

После всего, что было, любой бы расценил это как предательство. Или в этом ничего такого, и он сгущает?

Прозрачный обод стеклянных стенок стакана искажал сжимающие его пальцы, и вдруг Юрий осознал, что стакан горячий; он, чуть не выронив его, со стуком поставил на кухонный стол. Расплескалось.

Иван, сидя напротив, внимательно смотрел на него, и Юрий поспешно отвел глаза.

– Юр, – Марина забрала у сидящего с мужчинами Кирилла пустую тарелку от геркулесовой каши и вытерла мальчугану полотенцем рот, – у нас кончились талоны на детский продпак. Кирюша решил срочно догнать папу и кушает теперь за двоих. Да, великан? – Жена улыбнулась и качнула бедрами, отступая от стола.

Сын не обратил на нее внимания, а дернул за рукав Ивана, и тот сделал страшное лицо. Кирилл рассмеялся, показав просвет от выпавшего вчера молочного зуба, и погрозил дяде правым кулачком, при этом его светло-зеленый плетеный браслет съехал ему на локоть.

Опять не уложились. Растет Кирилл... А вот пак нет. И это еще одна причина, почему Юрий так поступает.

Он ответил жене:

– Попроси в долг у Тани.

Коснулся стакана, проверяя, остыл ли тот.

В конце концов Иван все поймет. Хоть и не сразу...

– Нет больше Тани.

Старинные часы с кукушкой, висящие над дверным проемом на кухню, отзвонили восемь вечера и словно споткнулись на последнем ударе. Юрий повернулся к Марине. Ее каштановые волосы, подстриженные в каре, словно шторы закрывали чуть склонившееся лицо.

– Что случилось?

Супруга взяла со стола свою, такую же большую, как у Ивана, чашку, но фисташкового цвета, и ответила, продолжая смотреть на Кирилла:

– Таня вчера подвернула ногу на улице и загремела в больничку, не смогла отвертеться.

Марина стояла в проеме двери из кухни в коридор, так как места за столом ей уже не хватало. Слова вырвались у Юрия раньше, чем он подумал:

– У нее ж страховки нет...

Марина поджала губы и, так и не сделав глоток, выпрямила спину, отчего футболка на ее груди натянулась, и оперлась о дверной косяк. Потом продолжила:

– Она пыталась откупиться от скорой, но они пробили ее медкарту по базе, а там записано, что у нее сердце без патологий. Так что, сам понимаешь...

Марина жестко посмотрела на Юрия, и тот понял, какое было продолжение. Сказал скорее утвердительно:

– Значит, не откупились...

– Какое там! – Жена поворачивала чашку в руках, и нежно-зеленый плетеный браслет на правом запястье то появлялся, то скрывался за голубым фарфором. – Была доставлена в первое отделение городской больницы, где и скончалась скоропостижно в тот же день от болевого шока при почечной колике, после чего стала донором сердца.

Кулак Юрия невольно сжался. Наверняка можно было избежать...

– Надо было отбиваться, – сказал он, перебирая у себя на руке плетение такого же браслета (Марина сделала им всем по талисману) и посмотрел наконец на Ивана, чья серая копна волос, стоявшая дыбом на большой голове, создавала еще больший контраст с узкими плечами и худосочным телом.

Хотя, конечно, все зависело от того, кто был в бригаде скорой.

Марина ответила с горечью:

– Как же, отобьешься! У них амбалы, не хуже тебя!

Юрий выдохнул. Все верно. Уже давно туда набирали по тем же критериям, что и в прочие силовые структуры. Так, например, в группу быстрого реагирования страховой, где он сейчас работал, проходным был рост от ста восьмидесяти пяти и обязательный опыт службы в горячих точках.

Он снова повернул голову к жене:

– А ты травмат носишь, что я тебе дал?

Та хмыкнула:

– Ношу, но не уверена, что от него много толку будет.

Юрий убедительно кивнул:

– Будет. Если уж выхода нет, шамальнула – и беги. Если нет страховки, главное, все решить до больнички. Там у тебя тоже никаких шансов с твоей картой.

В базе Марина значилась как счастливый обладатель здоровой печени, да еще с какими-то редкими свойствами. Вот уж реально опасный орган...

Юрий хотел спросить, что же теперь будет со Славкой, сыном Тани, но тут и так все было ясно: кроме как остаться у бабушки с бабушкой, вариант только в детский распределитель. Нет, уж лучше еще помучиться... Хотя надолго ли хватит стариков?

Юрий еще глубже вздохнул и посмотрел прямо в глаза Ивану:

– Меня пригласили в гвардию правопорядка.

Выражение лица Ивана будто не изменилось. Но черты окаменели, утратили живость и дыхание. В глазах, как в колодцах, оставалась холодная застывшая гладь.

Словно надеясь, что слова растопят невидимый образовавшийся лед, Юрий продолжал:
– Обещают иммунитет мне и семье, в том числе от донорства. И паек втрое.

Иван больше не смотрел на него. Он пил чай, и как будто ничего не изменилось.

Как бы не так! Это выражение лица, будто фильм на паузе, выдавало произошедшее потрясение для Ивана. И дело было даже не в том, что они больше не будут работать в одной страховой компании (даже сейчас Иван – кабинетный айтишник, а Юрий – боец оперативной спецгруппы), теперь они окажутся по разные стороны баррикад. Гвардия правопорядка – воплощение ненавистного для Ивана государства.

Юрий невольно покосился влево на окно, в котором ему снова подмигнула огоньком Башня, и стыдливо отдернул взгляд, будто руку от чужого... Блин, никогда ни у кого ничего не взял и никого не предал...

...До этого дня.

– Я понимаю, как это выглядит, но это какие-никакие, но гарантии, – он тяжело выдавливал из себя слова. – Мне нужна постоянная работа, а не подработки от случая к случаю.

Иван все так же неподвижно смотрел в большую небесно-голубую чашку с чаем, которую держал в обеих ладонях, словно отчаянно пытаясь согреться. Серый упрямый хохолок на его растрепанной шевелюре пошевеливался от сквозняка и будто говорил: «Я так и думал...»

Юрий продолжил, поднимая тон:

– Я боевой офицер! Я до страховой, кроме спецназа, и не знал ничего. А тут непонятная служба, по сути эскорта, в непонятной шарашкиной конторе, и то на птичьих правах.

Он подхватил стеклянный заварник с иван-чаем и плеснул себе в большой граненый стакан, который оказался полон, потом оглядел посуду на кухонном столе и долил в чашки Марине и Кириллу.

Марина заметила, как сын заезжает игрушечным броневиком маскировочной расцветки в тарелку дяди Ивана, и прикрикнула:

– Кирилл, ты сейчас спать пойдешь!

Тот убрал руку и обиженно посмотрел на мать.

Иван запрокинул голову к небольшому телевизору, висевшему на кронштейне над столом и еще более скрадывающему пространство и без того непросторной кухни. Там на экране появилась Башня на заставке новостей, и Иван наконец с болью посмотрел на Юрия:

– Ты забываешь, что если бы не страховая, мы бы вообще не имели работы. – Потом снова отвернулся. – И вообще не знали бы друг друга.

Этой фразой он напомнил об их знакомстве четыре года назад, после которого Юрия и стали привлекать на подмену в «ДонорСтрахКомпани», где уже тогда работал Иван.

Телевизор вдруг разразился голосом из новостей обо все развивающейся пандемии. Юрий бросил взгляд на диктора на фоне черной Башни, уверяющего, что все под контролем, что все меры приняты, даже несмотря на то, что неясно, дойдет ли вообще до них волна.

Диктор еще раз напомнил всем, кто еще не прошел обязательную месячную вакцинацию, что после тридцатого числа будут применяться санкции, и Марина отобрала пульт у Кирилла, сосредоточенно нажимавшего на кнопки. Повисла тишина.

Марина, похоже, желая сменить тему, спросила:

– Вань, слышал про новую технологию заморозки органов для хранения? Интересно, как теперь изменится система страхования? Ведь больше не нужно будет сразу же проводить операцию...

Иван нехотя ответил, словно объясняя очевидные вещи:

– Наши органы еще больше превратятся в товар. Который теперь будет гораздо проще отобрать. Даже на улице.

– Ой, а то сейчас скорая, по сути, не отбирает. Попался – и будь здоров. – Марина будто специально раззадоривала Ивана.

Тот вынужден был реагировать:

– Сейчас еще есть правила и нет большого смысла их обходить. Ну, вынул ты на улице орган, кому ты его продашь, если операцию нужно проводить, в зависимости от органа, в течение шести-десяти, максимум сорока восьми часов? Все должно быть подготовлено заранее. Поэтому со скорой и системой страхования от донорства всем проще. А если можно будет вынуть орган сейчас, а продать уже при удобном случае? Начнется охота. А учитывая доступность базы данных медкарт, она превращается просто в магазин...

Марина, не желая соглашаться с нарисованной картиной, отмахнулась:

– Ладно, сейчас по улице тоже небезопасно ходить. Люди боятся другого. Слыхали, что для изъятия органа под заморозку по этой технологии нужно, чтобы донор был в сознании? Его не усыпляют, а обездвиживают... Как представляю...

– Хорош! – прервал ее Юрий, не желая слушать кровавые фантазии любительницы хоррора. – Слушай меньше разное!

Но Марина не сдавалась:

– А ты что скажешь, Иван?

Иван пожал плечами:

– Я еще не знаю всех деталей этой новой заморозки. Но, думаю, все это переживут.

Кирилл снова потянул Ивана за рукав, и они обменялись страшными гримасами.

Марина помолчала и озабоченно продолжила:

– Думаешь, страховые компании не потеряют этот рынок?

Иван ответил ей, не отрываясь от возни с Кириллом:

– Адаптируются. Или новый закон появится, или они сами начнут активно участвовать в этом бизнесе. И такие, как твой Юрий, будут еще более востребованы. Правда, работа станет более... пыльной.

Марина вдруг снова переменяла тему, и Юрий понял, что она просто пыталась найти слова в его оправдание.

– Ладно, страховая страховой, но со всеми этими технологиями только госслужба может дать какие-то гарантии. Тем более такому, как мой дуболом.

Иван, наконец, посмотрел на нее и ответил негромко, но с горечью:

– Наше государство может гарантировать только одно: все мы его потенциальные доноры.

Марина всплеснула руками:

– А государство здесь при чем? Все это алчный беспредел торгашей и медиков, которые готовы на что угодно, лишь бы сделать из тебя донора. Неважно, что ты еще жив!

Это было плохое развитие темы; Юрий знал, что будет отвечать Иван, и не хотел этого слышать. Потому что не нужны ему аргументы, которые могут заставить передумать. Он должен принять это предложение. Ради Марины и Кирилла.

Юрий недвусмысленно повернулся к жене, но та этого будто не заметила. Ее глаза загорелись азартом спорщицы, и Юрий понял, что пора на сегодня сворачиваться. Тем более что Иван, хоть и сдерживался, но, кажется, тоже поймал азарт:

– Все это началось с недалновидности государства, принявшего закон о необязательности разрешения донора на использование его органов после смерти. Государство сказало: «Гоп!», и все послушно прыгнули. Якобы благое намерение спасти тысячи обернулось охотой за потенциальными донорами и хитроумным решениями проблемы, связанной с тем, что они еще живые.

Марина даже крикнула, и Юрий увидел, что она сдерживает застарелое раздражение из-за позиции Ивана, вечно старавшегося скомпрометировать власть. Она повысила голос с инто-

нацией воспитательницы, объясняющей, что если уронить стакан на кафельный пол, то он из-за этого разобьется:

– Но страховка от донорства появилась именно в результате закона государства!

Иван согласился:

– Да, оно просто узаконило то, что и так происходило, и стало получать отчисления от тех же страховых. Теперь в нашем государстве любой гражданин – потенциальный донор. А если говорить о гарантиях, то они не имеют ничего общего со страховкой...

Марина посмотрела, наконец, на мужа, словно ища поддержки, заметила его взгляд и поняла, что пора сбавлять градус.

Юрий должен принять решение спокойно, сам. Ему надо еще все это осмыслить...

Марина безнадежно махнула рукой:

– Ох, Иван, ты как всегда! «Лучшая страховка от донорства – это личное принятие каждого ответственности за свою судьбу» – помним. И что бы государство ни делало, у тебя оно все равно будет плохое!

Она наклонилась к столу, вынула руку Кирилла с броневином из розетки со сливовым вареньем и взяла свою чашку с чаем.

Юрий подлил другу чая, как только тот поставил свою на стол. Юрия его разговоры не раздражали. Хоть он с Иваном и не был согласен, но понимал его вполне. Причин считать государство хорошим у Ивана крайне мало. Даже на лечение его матери собирали через СМС, потому что ее законная заработанная пенсия пропала вместе с быстро обанкротившимися частными фондами, куда государство перевело все пенсионные средства в ходе последних реформ.

Но собранного по СМС все равно не хватило. Государство же не признало никакие прошлые ее заслуги (звание Героя Труда), а льготы уже давно все были отменены. Квоту не дали. Она умерла дома, так как к тому времени на операцию и содержание в больнице денег уже не было.

И они тогда тяжело это переживали все вместе.

А на сегодняшний день у самого Юрия должна была быть военная пенсия, которая еще как-то платилась из спецфонда. Но если он не найдет в ближайшее время постоянную службу в учреждениях из утвержденного списка и не возобновит прерванный стаж, то все обнулится.

Марина поддержала съехавший к тарелке с вареньем зеленый браслет-галисман Кирилла и сказала Ивану уже тише, но озабоченно:

– Извини, я эти твои идеи не разделяю и не понимаю. Я все-таки гарантии представляю себе по-другому. А революции – это без нас.

Иван ответил ей печальным взглядом серых усталых глаз. Он посмотрел затем на браслет на руке у Марины, потом у Юрия. Поднялся:

– Ладно, в гостях хорошо... Пойду я.

Иван дежурно улыбался и ни на кого не смотрел. Все-таки обиделся.

Кирилл оставил, наконец, свой броневик, снова схватил пульт от телевизора и нажал кнопку, которая возвращала звук на прежний уровень. Юрий и Иван даже вздрогнули от резкого голоса диктора.

– ...Очередное покушение на наше главное завоевание – стабильность. Однако сепаратистам не удалась демонстрация намерений, а их исключительно террористические методы добиться цели были жестко пресечены силами правопорядка.

На экране с изображением Башни в правом верхнем углу замелькали люди в погонах, кабинеты и политики, ряды оцепления гвардии правопорядка со щитами; и лишь на секунду показали площадь, забросанную мусором, с еще кое-где неубранными телами...

Юрий уперся в холодный взгляд Ивана и ясно прочитал все, что тот думал, но не сказал сегодня о сделанном Юрию правительством предложении.

– Па, а я сегодня на улице тоже видел, как лазгоняли дядей и тетей. Это тоже были теллолисты?

Юрий физически ощутил, каких трудов стоит Ивану никак не комментировать вопрос Кирилла. Сыну ответила мать:

– Да, сынок. Это были плохие дяди, и хорошие дяди их наказали.

Марина снова убавила звук. И Кирилл спросил уже чуть тише:

– А дядя Боля с пелвого этажа тоже плохой дядя?

Марина чуть запнулась:

– Нет, почему?

– Холошие дяди его из автомата убили.

Юрий встретился с распахнувшимися глазами Марины, кулак словно сам просился ударить по столу, прекратить эти вопросы... Медленно, стараясь чуть смягчить сжатый горлом голос, ответил сыну:

– Дядя Боря хороший. Это ошибка. Иногда даже хорошие дяди ошибаются.

– Значит, его убили потому, что у него не было волшебного браслета, – уверенно заявил Кирилл и повез свой броневилок по клеенчатой скатерти между тарелок.

Юрий переспросил:

– Что?

– Мама всегда говолит, что все, у кого нет волшебного браслета, не с нами и нас не касаются.

Повисла тишина, в которой жар в ушах Юрия, наверное, освещал кухню; он не смел посмотреть на Ивана.

Кирилл снова спросил:

– А дяди Ивана касается? У него тоже нет браслета.

Юрий резко поднялся из-за стола, и Кирилл испуганно посмотрел на него, готовый вдруг расплакаться.

– Ладно, утро вечера... – Юрий не глядел на друга. – Давай, Вань, мне тоже завтра в шесть утра заступать на дежурство.

– Спокойной ночи, – улыбнулся Иван Марине и Кириллу и вышел обуться в узкий коридор; потом сухо ответил на рукопожатие.

Юрий сказал:

– Я заскочу завтра после дежурства. Ты будешь в конторе?

– Давай, – равнодушно ответил Иван, все так же не глядя на него. Юрий хлопнул друга по плечу и закрыл дверь. Вот завтра сядут и поговорят с глазу на глаз. И Иван все поймет. И тогда уже Юрий и примет решение.

Вернувшись на кухню, он не стал садиться, а остался стоять в дверном проеме, где до этого стояла Марина. Теперь она села рядом с Кириллом, приобняв его и поглядывая на мужа. Огромные зеленые глаза словно озера, в бездонных глубинах которых в последнее время всплывали все чаще тени беспокойных стаек. Канал на телевизоре уже был переключен.

Юрий тоже смотрел на них. Это его семья. Он отвечает за нее.

Но как потом глядеть в глаза сыну? И как потом отвечать на его вопросы? Юрий взглянул через их головы в окно на мерцающую Башню, словно подмигивающую ему.

– Нас это не касается, – повторила Марина то ли ему, то ли сыну.

Юрий молча развернулся и пошел в спальню, проворачивая на руке свой браслет. «Нас это не касается» – это не констатация факта, не выражение уверенности. Это мантра. Юрий еще раз попробовал фразу на вкус про себя: «Нас это не касается».

Фраза качнулась где-то внутри, неверная, как подвесной мост.

Юрий ведь не предает. Почему же нет былой уверенности во всем, нет опоры?

Завтра надо будет пройти по этому шаткому мосту. Потому что уже послезавтра надо дать ответ.

*****

Дождь шел весь день. Тучи сковали небо, отражались от мокрого асфальта.

Юрий первым выпрыгнул из микроавтобуса, поймав на губы и веки мелкие капли и разбрызгав брызгами неглубокую лужу.

Следом неуклюже спустился на бетон и объект, а за ним выпрыгнули двое бойцов страховочной группы, сразу же взявших его под руки.

Автобус стоял на территории второй городской больницы, огороженной металлической сеткой с воротником из колючей проволоки. Дальше надо было идти пешком по серой дорожке, бетонной лентой раскатанной по такому же серому гравию, к длинному козырьку серого здания с забранными бронезащитными окнами. Вдоль всего пути стояли бетонные препятствия против БТР, за которыми, впрочем, случись что, удобно укрыться пехоте.

Юрий нажал кнопку на рации на груди и доложил диспетчеру:

– Десятый первому. Группа и объект на месте. Начинаем движение.

– Первый десятому. Принято. Удачи!

Услышав, как выпрыгнувший последним боец захлопнул дверь микроавтобуса, Юрий, не оглядываясь, подал знак следовать за собой.

Обычный вызов на дежурстве.

Страховые случаи наступают внезапно, в совершенно непредсказуемых местах.

Страхуемого по этому случаю, например, по данным диспетчера, забрали из ночного бара, в котором он напился до беспамятства еще с прошлой ночи. На свою беду, он не был постоянным клиентом заведения, и, когда его товарищи уехали, оставив бесчувственное тело, его мажорные распальцовки не произвели ни на кого впечатления, и администратор просто вызвал вытрезвитель. Ту же скорую, по сути.

По условиям договора страховая компания должна действовать со всей возможной оперативностью. Конечно, в больнице ждали страховую группу. Теперь, когда знали, что есть страховка, инциденты случались редко. Но бывало всякое. Если вдруг донор требовался срочно, дело шло на минуты. При наихудшем раскладе страховщики не успевали забрать страхуемого, и это был сильный удар по репутации страховой компании. И по карьере старшего группы...

Юрий вел группу по отражающей от воды пешеходной дорожке к входу в больницу. Раздавались только звонкие шаги армейских ботинок по бетону, чуть растворяющиеся в нудном шуме дождя. Погодка, прямо скажем, депрессивная. Как раз чтобы съехать с катушек. Юрий поборол желание обернуться и посмотреть на объект. Ребята справятся. Чай, не в первый раз. Главное, довести до места.

Здание второй городской – одна из лучших крепостей. У них же и больше всего опыта боевых действий против желающих вызволить пациентов. Чаще всего это родственники. Не считая мелких стычек, здесь прошло около десятка полномасштабных боев с бронетехникой и даже авиацией. Правда, это все было до того, как ввели страховку от донорства. Теперь все происходило буднично и рутинно. Вместо армий с обеих сторон – страховая и приемная группы.

Их ждали под козырьком: пять человек почти в таком же обмундировании, как Юрий и его люди. Камуфляж без погон, но с отличительными нашивками, принятыми у них в компании.

В этой приемной группе Юрий никого не знал. Ротация у них, однако.

Он обратился к их старшему:

– Страховой случай господина Левина. Страховщик – «ДонорСтраХКомпани». Стандартная страховая процедура.

Принимающая сторона проверила сканером вшитый в запястье объекта чип, и их повели внутрь цитадели. Теперь за объектом настороженно следили обе стороны. Чем темнее и безнадежнее, тем больше шансов на срыв. Не могли они тут освещение наладить, что ли? По спине пробегали мурашки от неизвестности. Но старший группы должен идти первым.

Пустой и душный полутемный коридор с рядами тяжелых задранных дверей с пересечениями других коридоров, так же уводящих к бесконечным рядам дверей, но еще более погруженных во мрак.

В противоположном конце одного такого коридора странная перегородка, будто специально освещенная одинокой лампочкой. Тупик. Юрий скользнул взглядом по стенам и не увидел ни одной двери. Куда вел коридор – непонятно. Наверное, заложили выход или проход к лестнице.

Компактный блокпост у лифтов был освещен получше, и охранники внимательно осмотрели всех приближающихся, прежде чем открыть двери грузового лифта. Старший приемной группы нажал на кнопку десятого этажа.

В зале обмена пока был только доктор, сухощавый мужчина средних лет с крючковатым носом, колдующий возле огромного саркофага томографа. Все вошедшие остались стоять у стены. Юрий посмотрел на коричневый продавленный диванчик напротив, металлический стол со стулом и уже возле томографа – белую ширму. Воздух был какой-то наэлектризованный. Бойцы Юрия еще сильнее сжали плечи объекта.

Через секунду толстая входная дверь, как в банковском деньгохранилище, прожужжала и щелкнула. Ее толкнули снаружи, и вошли трое: два охранника и, вероятно, страхуемый. Больше было некому.

Виновник «торжества» был уже одет в гражданское, но первое, что бросилось в глаза Юрию, – большая родинка прямо у того на лбу, как у индуса. При этом походил мужчина скорее на широколицего азиата. На вид ему за пятьдесят и выглядит, прямо скажем, не очень. Интересно, донором чего он мог стать? Очевидно, что тут прямая выгода для больницы в удовлетворении страховки. Можно было не торопиться, без них точно не начали бы.

– Господин Левин, – обратился Юрий к клиенту, как того требовал регламент компании, – мы представители страховой компании «ДонорСтрахКомпани», прибыли в связи с наступлением страхового случая по контракту о страховании вероятного донорства номер Б-8794-АГ. Вам придется подождать, пока завершится стандартная процедура, и мы сопроводим вас отсюда. Сохраняйте спокойствие. Спасибо.

Пока страхуемого, растерянно хлопающего глазами и открывающего рот, что-то пытающегося сказать, сажали на диванчик, Юрий кивнул старшему приемной группы, и тот дал команду двум своим бойцам подойти к объекту. Юрий расстегнул наручники на тонких запястьях. Пальцы правой руки увенчивались длинными ногтями, однако, чистыми и ровными. Педик? Скорее гитарист...

Бойцы принимающей группы сопроводили объекта к огромному белому саркофагу томографа, возле которого стоял доктор со сканером в руке. Юрий позволил себе тихий вздох облегчения. С этого момента, если что случится, это уже не их проблемы.

Доктор снова считал чип объекта, буквально зажатого между двумя дюжими санитарами, затем предложил пройти за стоящую возле томографа ширму раздеться. Два здоровяка в белых халатах повели его за ширму. По статистике, именно сейчас наступал самый критичный момент. Зачастую даже самые слабые из объектов держали себя в руках до того, как их расковыряли и передавали в руки белых халатов. Тут инстинкты часто брали свое, даже несмотря на дозу седативного, которую вкалывали страховщики, когда приезжали забирать объекты. И те отказывались исполнять условия контракта.

Скот в очереди на бойне тоже не отличается безмятежностью...

Юрий уже повидал многое в залах Передач разных больниц. И в этом тоже.

Как-то раз объект вырвался от принимающих и с разбега разможил себе голову о стену. Так можно и донора потерять.

Юрий посмотрел на место на стене, где краска была темнее: так и не отмыли.

Страхуемый нервно ерзал на диванчике. Бойцы Юрия стояли рядом с командиром, раслабившись, наблюдая за процедурой.

Но в этот раз все прошло спокойно. Объект сам лег в томограф, продемонстрировав худое тело, похожее на насекомого. И через пять минут доктор-крючковатый нос объявил ключевую фразу:

– Объект проверен. Наличие и состояние донорского органа подтверждено. Обмен санкционирован.

Страхуемый сразу же вскочил с дивана, но его остановила тяжелая рука бойца охраны, легшая на плечо.

Господин Левин возмущенно промычал что-то вроде: «Что такое!», а Юрий прошел к металлическому столу и присел на деревянный стул. Он пробежал глазами первый лист стандартного протокола и обратился к страхуемому:

– Сохраняйте спокойствие, господин Левин. Осталось несколько формальностей.

Обычно все документы уже переведены в цифровой вид, но процедура обмена донора все еще требовала настоящей бумаги.

– А нельзя побыстрее? – уже смелее возмутился толстопуз.

Юрий ровным голосом ответил, не поднимая головы:

– Я постараюсь все сделать максимально быстро, господин Левин. Минуту терпения.

Кто-то из охранников принимающей группы хмыкнул.

Когда Юрий подписал первую страницу, он все-таки посмотрел на мужчину, которого они привезли для обмена на страхуемого. Тот как раз надел больничную просторную рубаху, сделавшую его похожим на приведение из детского мультлика. Сходство дополняли глубокие тени под глазами и потухший взгляд, как и положено отошедшему в мир иной. Только это был не мультлик.

До заполнения протокола Юрий не помнил имя объекта. В какой-то момент он мог его слышать или видеть, когда страховая группа забирала того из дома. Но зачем это ему? Лучше как раз наоборот. Видеть перед собой не человека, которого везут на убой, а просто «объект». Это как-то помогало абстрагироваться от происходящего.

Но теперь перед глазами будто повисла строчка: «Огарев Валерий Петрович».

Объект Огарев скользнул по нему отстраненным, пустым взглядом. Со своей семьей он попрощался еще дома, когда за ним приехали в исполнение его контракта, а больше попрощаться ему было не с кем. На священниках для объектов тоже экономили.

Юрий перевернул последнюю страницу акта приема-передачи. Словно ударил молотком судьи, объявившим приговор.

Так работала страховка. Чтобы гарантировать человеку эвакуацию из больницы, куда он по какой-то причине попал, страховая компания привозила объект замены со схожей медицинской картой, который и становился донором вместо страхуемого.

Объект требовался для соблюдения юридических формальностей в связи с условно упущенной выгодой больницы, которая могла бы использовать пациента в качестве донора. В случае его смерти. А смерть пациента была вопросом техническим, раз уж попал в больницу.

И вот, если с пациентом чисто формально еще не все было ясно (теоретически он мог бы и не умереть), то с объектом уже не было никаких разночтений: его везли для забора органов.

Это были добровольцы, которых совсем жизнь прижала и у которых не осталось выбора. Вернее, единственный выбор – идти на замену донора или в распределитель. А распределитель – это место, куда забирали должников, неплательщиков по кредитам. Там они работали прак-

тически за еду, пока не отработывали долги. При ипотечных суммах это было практически пожизненное... При этом их семьи лишались и кормильцев, а имущество изымалось в счет уплаты долгов.

Поэтому, чтобы не попасть в распределитель, многие и подписывали контракт на замену донора. Правда, для этого требовались еще нормальные органы, которые кому-то могли понадобиться. Это был единственный шанс выживания для их семей. И подписывающих такие контракты в последнее время становилось все больше.

После подписи Юрий поднес запястье для заверки чипом. Снова посмотрел на Огарева... Ну вот, уже не назовешь объектом. Интересно, что тот выберет? У него почка. В принципе, может жить.

Хотя многие на его месте предпочитали усыпление и безболезненную смерть, чтобы не тратить потом на лечение и уход на ними заработанные для семьи деньги за органы.

Доктор что-то вколол объекту, и санитары посадили того на каталку. Повезли к выходу. Действие препарата было мгновенным, пальцы правой руки Огарева разжались, и на пол рядом с Юрием упал брелок. Он поднял, выпачкался в чем-то красном. Пригляделся: кровь. Огарев так зажал брелок в ладони, что повредил кожу своими длинными ногтями.

Юрий протер большим пальцем дешевый пластик и увидел фото. На него серьезно смотрели девочка и мальчик лет пяти-семи. Он распрямился, чтобы отдать брелок владельцу, но каталка уже была у двери. Правая рука Огарева безвольно висела; на полу осталась пара капель крови. Юрий вопросительно посмотрел на доктора и охрану, но доктор брезгливо, а охранник равнодушно отвернулись, и Юрий положил предмет на стол рядом с бланком.

Затем встал. Старший приемной группы сказал:

– Все формальности соблюдены. Господин Левин свободен.

Юрий дождался, пока Левин подхватил, спотыкаясь, свой рюкзак, подбежал к нему и молча показал взглядом на двинувшегося к выходу своего первого бойца. Они выстроились цепью и пошли к лифту в сопровождении приемной группы.

Из головы не выходили пустые глаза Огарева и детские глаза на фото.

...А были еще случаи, когда родители сдавали детей. Неофициально, конечно, но спрос рождal и предложение. На черном рынке было все.

Толстопуз прямо в коридоре достал из пакета с личными вещами телефон и начал звонить. Его писклявый голос эхом раздавался в пустом пространстве:

– Лапочка, я уже иду. Вы тут? Да, все замечательно. Конечно, сервис еще тот, но что с них взять, тут одни солдафоны. Одно название, что больница.

Юрий равнодушно смотрел на семенящие пятки идущего впереди страхуемого и снова мысленно возвращался к резюме такого спокойного Огарева. Его отец уже был в распределителе, мать болела дома, жена и двое детей. Самого его вот-вот тоже должны были забрать в распределитель. Для него этот контракт был шансом.

Ну, хотя бы не отдал на органы детей.

Дождь на улице прекратился, унеся с собой сонный шорох, но солнце уже село, так и не выглянув сегодня за весь день ни разу. Юрий вдохнул кажущийся свежим влажный воздух и снова подумал о предложении, на которое ему нужно дать ответ. Уже завтра утром...

Левин снова кому-то звонил:

– Как не было? А ты сказала, что у тебя VIP-статус?!

Они загрузились в микроавтобус и покатали к открывающимся воротам. На улице крупно белела в сумерках вывеска: «С 17 октября – выдача продуктов. 31 октября – Всеобщая внеплановая вакцинация». Блин, а у них ведь кончились талоны для Кирилла.

– Как они могут отказать в продуктах?! – надрывался Левин. – Я им напомню о правах! Мы им не скот! Что? Ну, дай денег! Как все разобрали?

Юрий поправил папку с бумажной версией протокола страхового обмена, который ему надо было сейчас сдать в конторе, и постарался не слушать этого крикливого петуха.

Микроавтобус выехал с территории больницы за бетонный трехметровый забор и сразу остановился: толстопуза уже ждали.

– Спасибо, что выбрали «ДонорСтрахКомпани», господин Левин, – поблагодарил клиента Юрий в соответствии с требованиями компании.

– Да катитесь, – пробормотал тот, выходя, и торопливо посеменил к припаркованной у тротуара машине, возле которой стояла молодая женщина: то ли жена, то ли дочь. Натуральная Барби с алым ртом и обесцвеченными волосами.

Юрий, не прощаясь и не обращая больше на толстопуза внимания, захлопнул дверцу:

– На сегодня все, бойцы. На базу.

Автобус тронулся, и парочка проплыла за окнами назад. Нет, вот поцелуй в губы – должно быть, жена.

Хотя извращенцев сегодня всяких хватало.

Дорога проходила мимо порта, и в гавани на рейде стояли рыболовецкие сейнеры, словно люди, заранее пришедший на раздачу продуктов.

Юрий набрал номер Ивана.

– Ты еще не ушел?

– На месте.

Не очень-то у него ласковый голос. До сих пор дуется. Ну ничего, щас все решим.

– Через двадцать минут буду.

*****

Юрий откинулся в кресле на колесиках, спинкой уперев его во фронтальную часть стола Ивана и закинув ноги на второй стул перед собой. Сам Иван сидел напротив за вторым столом и что-то проверял между делом на экране ноутбука.

Ноги казались чужими и устало ныли. Юрий потянулся рукой, взял со стола сзади иван-чай в граненом стакане, который Иван держал в своем кабинете специально для него, и мысленно улыбнулся.

Все опять, как раньше.

Хоть Юрий и опасался, примирение прошло естественно и без сцен. Иван недолго делал обиженный вид, пока готовил чай, но потом бросил это и принялся за то, что умел лучше всего: приводить аргументы. Но Юрий уже привык к другу с революционными наклонностями и просто дал ему выговориться. Хотя надо сказать, что тот умел пошатнуть любую уверенность.

Вот и сейчас, вроде бы Юрий уже все решил для себя, но снова не давал покоя какой-то червячок. Капитан сделал большой глоток, осушив стакан, и чуть повернулся, чтобы поставить его на стол.

В логове айтишника царил обычный хаос: всюду системные блоки без кожухов с выставленными напоказ внутренностями, принтеры, какие-то платы, кабели, диски и уже покрытые пылью мониторы. Но при этом здесь спокойно, как когда-то в детстве на одной из немногих оставшихся АТС, куда его пустила тетя, работающая там... Кругом были оголенные, будто без мяса, металлические скелеты стеллажей с пощелкивающими реле и помигивающими лампочками. Непонятные процессы, но их однообразность давала ощущение стабильности и надежности.

Иван щелкнул мышкой, прищурившись, что-то разглядывая на экране, и резюмировал:

– Как-то так.

Юрий посмотрел на вентилятор на потолке. Если отбросить вечные антиправительственные разглагольствования Ивана, то по существу важно было только одно:

– Ясно. Ты считаешь, что переход в отряд гвардии правопорядка моей семье ничего не гарантирует.

Иван хмыкнул:

– И даже тебе самому. Вами прикроются и бросят, не задумываясь. Вы расходный материал. Система агонизирует и готова на все, лишь бы продлить свое существование. Разрастающийся хаос будут топить в крови.

– А то ее сейчас мало! – Юрий снял ноги со стула и наклонился, опершись локтями о колени.

– В большой крови... – посмотрел на него серьезно Иван. – Я не знаю пока, что именно произойдет, но крови уже не избежать. И крови будет море, Юр. И тебе предстоит быть с теми, кто это море прольет. Никаких гарантий нет, потому что никто и ничего не может уже гарантировать. Ситуация вышла из-под контроля. Не сегодня-завтра что-то послужит толчком – и плотину прорвет.

Юрий секунду помедлил с упрямым ответом:

– Это если не будет решения. Они не могут этого не понимать. – Он хлопнул по коленям и добавил: – Так что надо просто переждать.

За окном послышалась музыка из одного из автобусов, переоборудованных для звукоусиления и циркулирующих по городу, якобы для того, чтобы отвлечь население от тягостных мыслей. Музыка расцвела и удалилась, заставив город ненадолго притихнуть.

Иван кивнул на окно:

– Пока это все их решения.

Юрий хмыкнул и с улыбкой взял стакан:

– А чем плохо? Хоть как-то разрядить атмосферу.

– Все эти развлечения, шоу, безмозглые телепередачи, только чтобы отвлечь и потянуть время. Но это скоро перестанет работать. Как ты не понимаешь? Все серьезно! Это пике, из которого уже не выйти! Будет бунт!

Юрий внимательно посмотрел на друга, но отмахнулся:

– Ты это сколько лет уже говоришь. – Он опять хлопнул по коленям. – Короче, решение я уже принял. И ты знаешь, что не ради себя.

Юрий должен был сказать это прямо, чтобы у Ивана не было иллюзий относительно попыток переубедить его. Пусть принимает или нет, но больше никаких недомолвок.

Иван хотел было что-то сказать, но потом с печальной, но непримиримой улыбкой вернулся к чтению чего-то на экране ноутбука.

Он действительно неугомнен со своими революционными идеями.

Однако мысли бродили и в голове Юрия. Странно, что власть не понимает, что происходит. А если понимает, то почему ничего не делает?

– Смотри. – Иван вдруг развернул ноут экраном к Юрию. Сетка из прямоугольников разных мировых телеканалов показывала стычки толпы с полицией, разбитые витрины, а внизу бежали какие-то графики.

Иван чуть ли не восторженно продолжил:

– Это во всех странах. Каждый день. И графики только растут. Так близко мы еще не приближались к пропасти. Так мы еще не кипели. Ты же сам видишь, что происходит на улицах. А они там, – он показал в окно, из которого была видна Башня, – настолько оторвались от реальности, что возомнили себя богами для всех остальных и продолжают жить как ни в чем не бывало, будто ничего не происходит. Мы для них стадо.

Юрий тоже посмотрел на освещенный прожекторами в ночном небе сияющий монолитный куб, словно в ореоле еле слышных отголосков музыки. Будто пароход на ночной реке с танцующими и веселящимися пассажирами, которые вроде и плывут вдоль пустынных берегов, но никак с ними не связаны, совершенно отделенные от всего окружающего угаром праздника...

Может, думают, что из-за пандемии шас все успокоится? В прошлый раз так и было. Да нет, наверняка у них есть план.

Иван отвернул монитор обратно и сказал:

– Я понимаю, что ты защищаешь семью, но порознь мы никто. Просто согнанное в одно место стадо. Именно потому беда коснется всех. Так же порознь, по очереди всех и раздавят.

Юрий не стал спорить или отметать слова Ивана, как он всегда делал раньше. Даже если Иван прав, что это меняет? Он посмотрел на друга и вдруг сказал неожиданно для себя самого:

– Ну вот послушать тебя... А какие варианты? Никому ведь ничего не надо! Впрягаться одному за всех? На всех все равно не хватит. Вчера снова был митинг за отставку правительства, на который вышло всего сто человек, когда ждали весь город. Но толпе раздали продпайки, и все возмущение рассосалось. А у меня – сегодня, между прочим, только пятнадцатое число месяца – уже талоны на продукты для Кирилла кончились...

Иван словно перебирал слова для ответа и не находил нужных.

В тишине кабинета в сердце опустевшего здания были слышны только шум вентиляторов системных блоков, да из-за окна пробивался шум неутраченного города.

Наконец Иван сказал:

– Мы уже давно знаем друг друга. Я знаю тебя. Тебя эта работа опустошит, а потом переломит хребет, внутренний стержень. Но, главное, это все равно ничего не изменит.

Телефон Юрия зазвонил. Он не сразу потянулся к нему, упрямо глядя на такого же упрямого Ивана.

Потом ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.